

*От автора: сюжет и герои являются выдумкой.
Любое совпадение или несовпадение
с действительностью — решение писателя,
вдохнувшее его мятежной фантазией.*

Глава первая

КОМНАТА

В этом мире существует три типа людей: такие как Артур Селиверстов, которым мало проблем; такие как Даниил Волков, которым вполне нравится просыпаться по утрам и жить в той реальности, которую прописал Иисус в сандалиях; и такие как Константин Ромал, которым хочется умереть с момента рождения.

Наглядные пути этих троих вряд ли пересеклись бы при обычных обстоятельствах, но что-то пошло не так в небесной картотеке — и священные бумажки перемешались.

Костя, Артур и Даниил одновременно покинули родовые гнезда и отправились в Санкт-Петербургский государственный университет, знаменитый одной из старейших библиотек России и талисманом, который наверняка году так в девяностом показался основателям вполне дикивинным: черный двуглавый орел украшал не только логотип сайта, но и подушки, двери кампусов, кроссовки и форму спортсменов.

Поступить в эту обитель знаний и роскоши могли те, у кого были деньги, нужные знакомые или мозги. И да, это еще одна классификация трех типов личности, к которым относились Артур, Константин и Даниил.

Санкт-Петербургский университет считают одним из самых красивых университетов России. На кафедрах преподают ученые со всего мира, в кафетерии вполне сносно кормят, и еще в общежитиях не водится всякой недружелюбной живности и приятно пахнет.

Все это уже второй век заставляет особо озабоченных родителей натаскивать своих отпрысков, а богачей — выворачивать карманы. Иными словами, послужной список у университета превосходный, и если ты пересекал его порог, то машинально ступал на новую тропу в своей жизни и вскарабкивался на ступеньку выше по карьерной лестнице.

Под конец учебного года в газетах распинались о красоте Петергофа, восхищались культурным наследием Эрмитажа, анализировали потребительский рынок. И повторяли, что Санкт-Петербургский государственный университет *«является центром российской науки и культуры»*. Могли не писать про всеми известный Петергоф, но фотография вуза ежегодно светилась на двенадцатой странице местного издания.

Артур Селиверстов газеты не читал. Он отдавал предпочтение черному зеркалу¹ и всегда относился с предубеждением к тем, кто ходил в библиотеку, а не скачивал нужные данные из социальной сети. Сбитый с толку и немного растерянный, Артур уставился на крышу каменного массивного сооружения, а потом изнуренно смахнул испарину с лица. Его золотистые волосы вились от влажности, а щеки краснели от любого намека на физический труд. Артур подхватил с земли тяжелые чемоданы и победоносно улыбнулся: он сделал это! Поступил в университет, ушел из дома, сам несет свои сумки и кивает каждому прохожему. Он готов общаться с любым, кто первый поздоровается. Довольный своим поведением, парень не сбавлял шага, пересекая узкие коридоры студенческого общежития, и поднимался по лестнице на шестой этаж, где находилась его комната — жилище на ближайшие четыре года. Ему с трудом верилось, что он выбрался из семейной паутины. Все оказалось куда проще, чем он предполагал. Артур прошел мимо незнакомых парней,

¹ «Черное зеркало» — название экрана мобильного устройства, ноутбука, компьютера, а также британский телесериал, созданный Чарли Брукером.

небрежно кивнув им, а потом заметил три заветные позолоченные цифры на деревянной двери в конце коридора и чуть ли не рысью кинулся вперед, не обращая внимания на скрипучий линолеум под ногами.

— Ключи, — пробурчал он себе под нос и затормозил перед номером 602. Пальцы уже жгло от усталости. Артур попытался достать из кармана маленький ключ, который ему вручила пожилая женщина в очках в главном корпусе университета несколько дней назад, но внезапно дверь распахнулась и едва не заехала ему по лбу.

— Ой! — воскликнула женщина и схватилась руками за лицо. Она отскочила назад, и ее черные кудри взвились как пружинки. — Сынок, ты в порядке? Я тебя не ударила?

— Все отлично, — натянуто улыбнулся Артур.

— Бог мой, я не собиралась ломать тебе нос.

— Да, мой нос... мне дорог.

— Какой ты славный! — Незнакомка заулыбалась, отчего у нее появились морщинки около губ и небольшой второй подбородок. Руки у нее были полноватые. На талии висели складки, которые не скрывала, а подчеркивала обтягивающая оранжевая майка. Если бы мать Артура оказалась рядом, ее хватил бы инсульт. — Даня! — внезапно закричала женщина и взмахнула рукой. — Иди же сюда, это твой сосед! Какой у него мужественный подбородок. Тебе так не кажется?

Артур в очередной раз растянул губы в фальшивой улыбке, чувствуя, как дрожат его пальцы, стискивающие ручки чемоданов, и начал:

— Мне нужно...

— Даня!

Артур послушно замолчал, а на пороге показался шустрый темноволосый паренек с удивительно яркими глазами. Они у него были такими же голубыми, как Байкал или небо в ясную погоду. Незнакомец несколько раз дернул уголками губ, что выглядело странно, а потом высоким ровным голосом констатировал:

— Да, подбородок у него широкий и грубый.

Артуру не понравилось, что эти двое рассматривали его подбородок.

— Это очень интересное замечание, но мои руки сейчас отвалятся.

— О, ну конечно! Заходи давай. — Женщина отошла в сторону и кивнула, улыбаясь с теплотой и искренней радостью. Она проследила за тем, как Артур прорвался наконец в комнату, и подскочила, едва он бросил на пол багаж. Она смущенно поджала губы. — Бедный, почему тебя никто не проводил? Чемоданы, наверное, тяжелые.

— Да нет. Я... — Артур заторможенно осмотрелся. — Ничего особенного.

Его брови стремительно поползли вверх. Комната оказалась крошечной и уродливой, в ней едва умещались три высоких шкафа и три узкие кровати. Письменный стол, на нем — лампа, рядом — мусорное ведро. Широкое квадратное окно — то небольшое, что делало эту каморку уютной и пригодной для жизни. Артур проговорил:

— Жестко.

— Ладно, устраивайтесь, — скомандовала женщина, — не буду вам мешать. Даня, ты помнишь, о чем мы с тобой договорились?

Даня согласно кивнул, а Артур присвистнул, не представляя, как разложить свои вещи. Согласно информации на официальном сайте, апартаменты для студентов *«просторные и соответствуют всем требованиям обучающихся»*. Наверное, у администраторов произошел какой-то сбой и они забыли обновить данные, потому что у Артура не находилось слов, чтобы описать эту убогую конуру.

Артур услышал, как незнакомка расплакалась, но, когда он обернулся, дверь за ней уже закрылась. Он перевел взгляд на своего соседа и невесело пожал плечами:

— Расставаться всегда трудно.

— Ты прав, — согласился парень. — Я — Даниил Сергеевич Волков. Я буду учиться здесь, в Санкт-Петербургском университете, и я твой сосед по комнате.

Артур вскинул брови, не представляя, зачем Даниил говорит очевидные вещи, но потом все-таки улыбнулся и шагнул вперед, вытянув руку.

— Артур Се... — Он запнулся, сжав ладонь Даниила. — Попов. Артур Попов.

— Попов, интересно. Александр Степанович Попов изобрел радио путем многолетней исследовательской работы.

— А знаешь, правда ведь. Я об этом не подумал.

— То, что очевидно для одних, таковым для других не является.

— Точно, — усмехнулся Арт и отступил назад. — Ты уже давно здесь?

— Я приехал сегодня, как и все первокурсники, потому что я поступил...

— Нет, я к тому, давно ли торчишь тут.

— Торчу? — Даниил нахмурился. На его невинном, каком-то детском лице не было и намека на щетину или легкий пушок над губой. Синяя рубашка плотно застегнута под самое горло. Штаны поддерживал широкий кожаный ремень коричневого цвета в тон ботинкам. Парень наклонил голову. — Я не торчу.

— Да я просто... — Артур растерянно взмахнул рукой. — Думал, приеду первым, а ты, видимо, ночевал под дверью. Хотел кровать первым занять, да? Так я и подумал.

— Зачем мне это делать? Я ночевал дома, в Кингисеппе¹.

Блондин застыл, с прищуром осматривая своего соседа: он или издевался, или у него были какие-то проблемы с головой. Артур сомневался, что этот худощавый и прямой, как струна, Даниил мог притворяться, имея такие невинные голубые глазища.

¹ Кингисепп — город в России, административный центр Кингисеппского района Ленинградской области и муниципального образования Кингисеппское городское поселение. Основан новгородским боярином Иваном Федоровичем как крепость Ям в 1384 году.

— Ладно. Тогда кровать себе выберу я. — Парень вновь осмотрелся и понял, что ничего не поднимет ему так настроение, как место рядом с окном и письменным столом. Правда, на матрасе валялись какие-то пакеты. Артур небрежно скинул их на пол. — Чей-то мусор.

— Нас должно быть трое. — Даниил присел в углу на кровать, которую он все-таки успел выбрать, и прижал ладони к коленям. — Завтра в полдень нам надо прийти в центральный корпус, где первокурсников...

— Трое? — удивился Артур, перебив соседа. Он затолкал чужие пакеты под стол, ближе к мусорному ведру. — Не выдумывай! Мы и вдвоем тут едва поместимся.

— Я не выдумываю.

— Третью кровать поставили здесь по ошибке.

— Вынужден не согласиться. Судя по всему...

Дверь стремительно распахнулась, как будто кто-то толкнул ее ногой. Даниил подпрыгнул от неожиданности, а Артур обернулся, закрыв плечами часть света, лениво рвущуюся из окна, отчего в комнате стало еще темнее.

Константин Ромал пересек порог, сжимая в обеих руках картонные пакеты, набитые всем, что он успел вынести из дома. Он остановился под пристальным взглядом соседей и повел плечами:

— Чего уставились?

Артур удивленно посмотрел на него. Новенький сосед показался ему довольно самонадеянным, раз задает вопрос таким тоном. Однако ни Артур, ни Даниил не решились ему ответить. У Константина были прямые аспидно-черные волосы, которые почти полностью закрывали шею и касались плеч. Кожа в полумраке комнаты казалась бронзовой, подбородок покрывала легкая щетина.

Костя прошел в комнату и бросил пакеты на стол, едва не повалив древнюю лампу. Он осмотрелся, а потом внезапно нахмурился.

— Мои вещи? — Черные блюдца метнулись к Артуру.

— Какие еще вещи? Ты про этот мусор?

Константин хмыкнул. Он посмотрел в зеленые глаза Артура, гадая, специально блондин нарывался или у него были проблемы с инстинктом самосохранения?

— Верни на место! — без особого энтузиазма отрезал Ромал.

— Будь попроще, парень!

— Я — сама простота.

— Мне показалось, койка свободна.

— Тебе показалось.

— Может, сбавишь обороты? — Артур сделал шаг вперед, недовольно сведя брови, но Константин только прыснул. Он приблизился к блондину и посмотрел на него так, что в комнате воцарилась тишина. В его расслабленной позе читалось столько агрессии, сколько даже примерно не было в напряженно стиснутых челюстях Артура.

— Еще раз прикоснешься к моим вещам, сломаю тебе руку! — он произнес угрозу, не убирая холодной ухмылки с лица, и Артур сразу понял, что шутки с новым знакомым плохи. С разбитой губой и шрамом над правой бровью он выглядел как минимум жутко, а может, и опасно. Артур хотел ответить, но потом отступил. Он уехал из дома не для того, чтобы напроситься на неприятности в первый день самостоятельной жизни. В первый час. Такое самообладание было ему чуждо, но он умудрился успокоиться.

— Мы отлично поладим, — наконец съязвил Артур.

Константин равнодушно отвернулся и сбросил с плеч дырявую джинсовую куртку.

— Сомневаюсь.

Даниил нервно постукивал пальцами по коленям, наблюдая за тем, как мрачный и уже уставший от разговоров темноволосый парень высыпает на кровать вещи из пакетов и складывает их на полки рядом стоящего шкафа. Двигался он непринужденно. Возможно, в его планы не входило знакомиться с соседями, но Даниилу этот план не нравился. Разве разумно враждовать с тем, с кем ты живешь?

— Так. — Даниил резко подорвался с постели и стрелой подлетел к новому соседу, вытянув перед собой

руку. — Меня зовут Даниил Сергеевич Волков. Я буду учиться здесь, в Санкт-Петербургском университете, и я твой сосед по комнате.

Черноволосый парень обернулся и лениво посмотрел на парня, на его ладонь и подрагивающие губы. Константину показалось, что это нервный тик, хотя прежде он не встречал людей с похожим недугом. Возможно, парень боялся или же смущался, но глаза его смотрели ясно и сосредоточенно, что заставило Константина примирительно кивнуть.

— Константин Алейо¹ Ромал. — Он пожал юноше руку.

— Приятно познакомиться, Константин.

— Взаимно, Даниил.

— А я Артур.

Даниил наклонил голову и совершенно серьезно отрезал:

— Я помню, как тебя зовут.

— Да я не тебе, — отмахнулся блондин и закатил глаза. Ему вдруг показалось, что он разговаривал на мертвом языке. — Зачем мне второй раз тебе имя свое называть?

— Возможно, ты решил, что я его уже забыл.

— Я так не решил.

— Это хорошо, потому что я помню, что ты Артур Попов, как и Александр Попов.

Артур сложил на груди руки и с интересом изучил лицо Даниила Волкова. Все это было довольно странным. Чемоданы Арта до сих пор валялись в центре комнаты, но он не спешил их разбирать. Куда больше его занимали новые соседи.

Раньше Арту не составляло труда найти общий язык со сверстниками. Хотя у этого, возможно, были причины. Именно те причины, из-за которых Арт ушел из дома.

— Судя по всему, сейчас самое время удалиться, — глядя в пол, сказал Даниил, — мне кажется, мое присутствие может помешать вашему общению. А еще я чувствую, что у вас назревает конфликт, разрешение которого мне

¹ Алейо — защитник (*цыг.*).

не под силу. — Он вытер руки о брюки. — Мы слишком мало знаем друг друга, чтобы я давал вам советы. Артур, Константин, — он робко кивнул, — до встречи! — А потом покинул комнату, не сказав больше ни слова.

Артур уставился ему вслед, а Костя отвернулся и продолжил доставать из пакетов мятые футболки и рубашки. Он запихивал майки на верхнюю полку, когда блондин развел руками в стороны и воскликнул:

— Ну и странный он!

Константин со вздохом обернулся. Отвечать не хотелось, но он почему-то сказал:

— Не странный.

— Смеешься? — Арт покачал головой. — Я никогда таких не видел. Забавный парень.

— Он болеет.

Константин закрыл дверцы шкафа и забросил пакеты под кровать. Присел на корточки и с трудом дотянулся до рюкзака, припрятанного за металлическим изголовьем кровати, пока Артур недоуменно смотрел на него, прищурив зеленые глаза.

— В смысле, болеет?

— В прямом смысле.

— Я бы не...

— Просто занимайся своими делами, ладно? — Ромал достал из рюкзака телефон и посмотрел на блондина, молясь, чтобы тот прислушался к его просьбе. От болтовни этой златовласой неженки у него разболелась голова. — У Даниила синдром Аспергера, или я ошибаюсь, не знаю. Но лучше просто помалкивай, уяснил?

— Что за синдром Аспергера?

— Опасная такая штука, передается воздушно-капельным путем. Смотри не заразись.

Артур нахмурился, а Костя усмехнулся и выпрямился, спрятав телефон в задний карман джинсов. Кулаки Артура зачесались и вспыхнули, но он стиснул зубы и глубоко втянул в легкие воздух.

— Верно, Арториус! — Константин хлопнул блондина по лопатке и, шаркая, поплелся к выходу. — Помалки-

вай! — Он захлопнул дверь, а Арт сжал пальцами переносицу и сердито плюхнулся на свободную кровать, которая располагалась в самом паршивом месте: в центре комнаты.

Над кроватью Константина было окно, кровать Даниила упиралась в стену, койка Артура стояла между ними, ничем не прикрытая, совершенно одинокая, и парень вдруг занялся самобичеванием. Возможно, нужно было приехать еще раньше.

Артур с неохотой выпрямился, достал ноутбук и оперся спиной об изголовье койки. Он открыл Skype и быстрым движением пригладил взъерошенные волосы. Матери не понравилось бы, как он выглядел. Возможно, стоило переодеться, прежде чем связываться с родителями, но шевелиться не хотелось, как и признавать свое поражение. К тому же его матери не понравилось бы все, что сейчас происходило в его жизни.

Арт откашлялся, расправил плечи и в очередной раз поправил волосы.

— Прихорашиваешься?

Артур опустил руку, а темноволосая девушка рассмеялась и тут же закатила глаза:

— Ты ведь не для своих соседей стараешься?

— Чепуху не неси!

— Как же быстро мне удалось задеть твои чувства. Слушай, опусти камеру чуть ниже, а то мама увидит разорванные обои и ее хватит удар.

Артур послушно опустил и пробурчал:

— Где родители?

— Поднимаются. Мама весь день ждет твоего звонка. — Алина оперлась подбородком о руку и со скучающим видом поглядела на улицу. Из окна на ее лицо лилось яркое солнце, отчего выглядела она такой же бледной, как Носферату из фильма ужасов Мурнау¹. — Я так и знала, что твой отъезд сведет ее с ума.

¹ Фридрих Вильгельм Мурнау (1888–1931) — немецкий кинорежиссер. «Носферату. Симфония ужаса» — классический немой фильм ужасов Фридриха Мурнау, снятый в 1921 году и выпущенный на экраны в 1922 году.

- Она привыкнет.
- Уехал ты, а расхлебывать мне.
- Я переехал в центр города, а не на другую планету.
- А теперь попробуй объяснить это маме.

Сестра была младше Артура на год и три месяца. Из-за ее выразительных шоколадных глаз Арту приходилось драться со многими «нежелательными ухажерами», как называла их мама. Но об этих драках Алине никто не рассказывал. Несмотря на заметные различия в характерах, Арт и Алина всегда ладили друг с другом, а повзрослев, и вовсе стали лучшими друзьями. Семья Селиверстовых имела все, о чем мечтают обычные люди, и даже больше: катастрофическое отсутствие людей, которые общались с тобой из-за того, кто ты, а не из-за того, что ты имеешь.

Пока Артур Селиверстов притворялся тем, кем он не является, а Даниил Волков едва слышно подсчитывал шаги, сделанные от одного конца коридора до другого, Константин Ромал вытряхивал мелочь из карманов, злясь на свой телефон, который разряжался со скоростью света в самый неподходящий момент. Парень забросил монеты и оперся лбом о холодную металлическую коробку таксофона. Он зажмурился, прокручивая в голове список дел, как вдруг из трубки раздалось:

— Да.

Константин дернул уголками губ, что выглядело почти как улыбка, но глаз не открыл.

— Мам?

— Костя. — Женщина помолчала какое-то время, а потом спросила: — Ты в порядке?

— Все нормально.

— Мишто¹. Я рада, что ты добрался без происшествий.

— Мама, я хотел перед тобой...

— Кто твои соседи? — Безразличием в ее голосе можно было заморозить весь Питер.

¹ Мишто — Очень хорошо (цыг.).

— Обычные соседи, ты скажи, ты помнишь, о чем мы договаривались? — Константин сжал в пальцах телефон и непроизвольно стиснул зубы. — Помнишь, что я тебе сказал?

— Не надо меня защищать.

— Что я сказал?

Женщина недовольно выдохнула, но все же ответила:

— Звонить тебе.

— Когда звонить?

— Судя по твоим наставлениям, каждые полчаса.

— Мама!

— Звонить тебе, если отец будет не в настроении.

— И я вернусь, — угрожая, процедил парень.

— Не вернешься. — Анна Ромал говорила совершенно спокойно, а грудь Кости так и пылала пожаром. — Ты сделал выбор, чаво¹, тэ дэл о Дэвэл э бахт лачи².

Константин собирался духом. Губа зудела, под футболкой горели синяки. Всего-то два, но достаточно большие. Юноша встряхнул головой и прижался лбом к аппарату.

— Учеба у меня в первой половине дня. Я подыщу работу, а в выходные постараюсь приезжать к вам, хотя бы раз в месяц. Он привел кухню в порядок?

— От нее мало что осталось после вашего разговора. — Костя крепче сжал пальцы. Он хотел ответить, но мать его опередила: — Я должна идти, моя смена не закончилась. Тебе не нужны деньги?

— Нет, у меня...

— Мишто. Мне пора.

Связь оборвалась, и послышались глухие гудки. Константин распахнул глаза и в растерянности уставился на телефон: *бросила трубку*. Он зажмурился, почувствовал, как пожар одолевает легкие, и со всей силы ударил кулаком по автомату.

¹ Чаво — сын (*цыг.*).

² Тэ дэл о Дэвэл э бахт лачи — Да благословит тебя Бог (*цыг.*).

Людская жизнь состоит из череды перекрестков. Человеку приходится делать выбор, и Константин выбрал свое будущее. Был ли он прав? Покажут ночи. Бессонными они будут или спокойными, зависит от его совести.

Глава вторая

ДУЭЛЬ

Константину казалось, что никогда прежде он не жил в такой просторной комнате. Дома у него была убогая каморка, в которой едва умещались кровать и стол. В нынешней комнате имелся лишь один недостаток, и нет, не жесткий матрас.

Артур Селиверстов, казалось, ни черта не умел: ни подняться со звонком будильника, ни складывать свои вещи, ни запирать на ключ дверь или выключать свет, прежде чем уйти.

У него не получалось ничего, кроме как действовать Косте на нервы. Уже на пятый день учебы выяснилось, что Арт никогда не моет за собой посуду. Еще ребята узнали, что он прежде не сталкивался с такой штукой, как готовка. Еда у него безбожно воняла, а на кастрюлях оставалась подгоревшая корка. Чем он питался и как выживал? На этот вопрос ответа, кажется, не существовало. Единственное, что Костя и Даниил точно знали: Артур громко храпит. Иногда Константину хотелось придушить его подушкой.

Начало новой недели не предвещало ничего хорошего. Арт проснулся после шестого звонка будильника, тем самым разбудив Даниила, которому поставили пары в этот день ближе к полудню, и резко вскочил. Он снова опаздывал. Кровать Кости была так идеально застелена, что Артур фыркнул, а потом нацепил первое, что попало в поле зрения, и стрелой вылетел из комнаты. Вернулся за рюкзаком и опять убежал. А потом опять вернулся, потому что забыл сотовый телефон и ключи. Когда парень за-

бежал в спортивный зал, переодетый в белоснежную форму для фехтования, держа под мышкой защитный шлем, студенты уже размахивали рапирами и наносили друг другу удары.

— Попов! — крикнул тренер, и Артур опустил голову. Кто мог подумать, что учеба в университете — это так сложно! — Ты опоздал.

— Я задержался.

— Задержался?

Тренер встал перед Артуром, сцепив перед собой руки. На вид ему не было и сорока. Глаза — темно-синие, глубоко посаженные, на лице ни одной морщины. Старила его разве что лысина, которая ярко переливалась в лучах солнца, рвущегося из гигантских витражных окон. Якунин Александр Андреевич ждал ответа, и тогда Артур сказал:

— Я должен был помочь.

— И кому же?

— Одной женщине. Она очень... старая.

— Старая? — Якунин наклонился к Артуру. — И как, помог?

— Разумеется.

— Она тебя поблагодарила?

— Мне не нужны никакие благодарности! — Парень натянул перчатки и кивнул так серьезно, будто они обсуждали будущее человечества.

— Я должен в это поверить?

— Было бы... чудесно.

— Чудеса оставь своей мамочке, Попов. Еще раз опоздаешь на мое занятие, можешь не приходить вовсе. Ты меня услышал? — Артур с неохотой кивнул. — Услышал?

— Да, тренер.

— Вот и отлично. У тебя проблемы только с фантазией или с фехтованием тоже?

Блондин высокомерно вскинул подбородок, впервые за все время нахождения в этом идиотском университете сказав истинную правду:

— Я был лучшим в своей школе.

— Лучше всех писал сочинения по литературе?

— Лучше всех фехтовал, тренер, — объяснил Артур.

— Давай посмотрим, — залиvisto рассмеялся тренер и подозвал одного из студентов, отсиживающегося на скамье без дела. Спусти какое-то время Якунин вновь взглянул на Артура. — Сколько уже фехтуешь?

— Занимаюсь с двенадцати лет.

— Соревнования?

— На уровне школ.

— Медали?

— Есть парочка.

— Ну посмотрим на тебя.

Артур кивнул и натянул шлем. Проверил, чтобы горло было прикрыто. Сжимать в пальцах рапиру было так приятно, что блондин невольно улыбнулся. Он оценил взглядом своего соперника, встал в оборонительную позу и спрятал за спину свободную руку. Одно из самых приятных воспоминаний о прошлой жизни заключалось именно в этих шести, а может, семи секундах перед началом атаки. Под толстой маской он не был сыном богатейшего человека Питера, не был «Поповым», притворяющимся тем, кем он едва ли являлся. Он был парнем, который любил стук встретившихся рапир и закрывал глаза, когда судья поднимал его руку, а трибуны взрывались аплодисментами.

Мгновение. Стук. Удар.

Артур распахнул глаза и увидел, что рапира противника упирается ему в грудь.

— Не спи, Попов, — проворчал Якунин. — Заново!

Арт нагнулся, облизав губы. Тренер взмахнул рукой, и парень едва шагнул вперед, как вдруг его противник вновь оказался рядом, и, не успев отразить его удары, Артур в очередной раз проиграл. Неприятное чувство разлилось внутри. Парень прищурился и наклонил голову, совершенно не понимая, что происходит.

— Ты что там? — Тренер взмахнул руками. — Ворон считаешь?

— Я не... — Блондин раздраженно выругался. — Еще раз!

На этот раз поединок длился дольше. Артур свирепо наступал на соперника и нанес ему удар в плечо. Чеширская улыбка растянулась на его лице, но внезапно прямо перед ним, словно из-под земли, вырос тренер и спросил грозно:

— Что это было?

— В смысле? — Артур приподнял шлем. — Я выиграл.

— Выиграл? Ты на рапирах дерешься, не на саблях или же шпагах. Зона поражения — туловище, область, прикрытая курткой. Ты сыграл в нейтральную, и баллы тебе никто не засчитал бы. Слабый уровень у вас в школе, раз тебя считали лучшим, Попов.

Если бы Артур мог провалиться сейчас под землю, он непременно это бы сделал. Глаза Артура заволокло блеклой пеленой, и он видел, как губы Якунина двигались, но не слышал ни слова. Он робко сжимал в пальцах рукоять рапиры и думал: *«Что, твою мать, происходит?»* Он прокручивал и прокручивал этот вопрос в голове и не мог, как ни пытался, отыскать нужный вариант ответа.

— Талант у тебя есть, — где-то на заднем фоне распинался тренер, — заниматься нужно дольше, а усилий прилагать больше. И только тогда...

Артур нахмурился. Фехтование всегда приносило ему удовольствие. Он так легко им занимался, считал незатейливым и развлекательным видом спорта. Родители были уверены, что у него дар, а в школе Артура называли малолетним гением. Но в университете его положил на лопатки первый попавшийся студент. Сказать, что это ударило его по самолюбию, — это ничего не сказать. Сбитый с толку, он кивал тренеру, а потом ушел в раздевалку, тихо бормоча: *«Твою мать, твою мать»*. Выбрался из скорлупы? Хотел ощутить всю гамму человеческой многогранности и прелесть естественного отбора?

Поздравляем, Артур! Теперь ты официально спущен с небес на землю.

Совершенно противоположные мысли занимали Константина, когда он покидал просторную аудиторию после

лекции Славина по уголовному праву. *Dura lex sed lex*¹ — так он начал, и Ромал принялся записывать за ним каждое слово.

Константин спускался по лестнице, чувствуя себя мелким муравьем в сравнении с внушительным корпусом Санкт-Петербургского университета. Здание юридического факультета не было самым красивым, но Косте оно виделось Олимпом, Эверестом. Он даже представить не мог, что когда-нибудь станет студентом юрфака. Но уже сегодня он покидал здание вместе с остальными ребятами, как везунчик из Питера, заслуживший место среди счастливицков.

Костя прошел вдоль улицы, разглядывая дома, которые так и норовили скрыть от всех солнечные лучи, как вдруг на перекрестке он заметил *девушку*. Если кто-то и разгадал тайную арифметику положительных и отрицательных зарядов, которым всего-то и нужно, что столкнуться в определенное время в определенном месте, он ничего об этом миру не поведал. Люди так и не поняли, что именно их привлекает друг в друге, и многие так и живут вместе, не имея на руках козырей. Возможно, у девушки длинные ноги, или красивые губы, или изящные формы.

— Почему ты так на нее смотришь? — раздался внезапно знакомый голос, и Костя еле слышно выругался. Он резко обернулся, а Даниил невинно пожал плечами. — Я увидел, что ты застыл, и решил задать тебе этот вопрос, но если ты не считаешь нужным отвечать, я не сочту это за грубость.

Ромал усмехнулся и продолжил идти, слыша, как Даня семенит следом.

— Я задумался.

— У нее правильные пропорции лица.

— Я как-то не обратил внимания.

— Ее зовут Елизавета Ланжерон. Она посещает со мной лекции по вычислительной математике и сидит на

¹ *Dura lex sed lex* — Закон суров, но это закон (*лат.*).

четвертом ряду вместе с брюнеткой, волосы которой подстрижены под боб. От правого уха до виска у нее выведена татуировка в виде китайского дракона.

— У Лизы?

— У ее подруги, волосы которой подстрижены под боб.

Константин немного помолчал, а затем сказал:

— Мне без разницы.

— Твое поведение говорит об обратном, но я не отрицаю ту часть личности, которая предпочитает скрывать от окружающих истинные желания.

Даниил кивнул сам себе, а Ромал хмыкнул и поправил ремень рюкзака. Когда они проходили мимо Елизаветы, он взглянул на нее, но затем отвернулся. Красивая, улыбающаяся и наверняка чрезмерно богатая. Константин потер подбородок. Мать всегда говорила, что он заглядывается на то, что никогда не будет ему принадлежать, но у Ромала на этот счет имелась своя философия, которая позволила уличному отбросу найти в себе мужество пойти против семьи и традиций и поступить в один из престижных университетов страны. Константин точно знал: если захочешь — получишь.

— Откуда ты родом? — внезапно спросил Константин и посмотрел на Даниила.

Даня воодушевленно расправил плечи, обрадовавшись, что сосед нарушил тишину и пошел на контакт. Даниилу необходимо, чтобы с ним шли на контакт. Он прижал руки к бедрам и ровным голосом выпалил:

— Я родом из Кингисеппа, он расположен в ста трех километрах от Питера. Мою мать зовут Ирина Волкова, она вдова, ей сорок два года. Мой отец скончался от рака легких шесть лет назад, его звали Сергеем Волковым. *Шестьдесят* процентов больных умирают при диагностировании данного онкологического заболевания, *сорок* процентов выживают, мой отец не относился к сорока процентам. Большие цифры. Маленькие шансы.

Костя, нахмурившись, посмотрел на парня и покачал головой:

— Паршиво, мне жаль.

— Почему тебе жаль? Ты его не знал.

— Я знаю тебя.

— Верно. — Дана почему-то улыбнулся.

— Ты поступил на математический?

— Бакалавр компьютерных наук. Собираюсь специализироваться на информационной безопасности. Программная инженерия интересует меня во вторую очередь. Исходя из тех данных, что я имею, я могу сделать вывод, что ты бакалавр права. Довольно интересный выбор специальности для человека с разбитой губой, и я связал специальность и разбитую губу только потому, что обычно люди, которые не находят справедливости в жизни, ищут ее в статьях закона. Ты вполне можешь пресечь мои догадки, сказав...

— Эй, — Константин выгнул дугой бровь и покосился на юношу, — ты внимательный.

— Вынужден отметить, что это не всем нравится.

— Люди порой ошибаются.

— С рациональной точки зрения это неисполнимо.

Константин покачал головой, растянув губы в ленивой ухмылке, и осмотрелся.

Они с Даниилом учились в разных кампусах, но дорога к их общежитию сливалась в одну улицу. До общаги можно было добраться минут за тридцать, и не было ничего более классного, чем брести по мощеной дороге, не задумываясь о том, что поджидает тебя за порогом родного дома. Костя действительно чувствовал себя лучше и спокойнее, живее. Его прошлое пусть и маячило за спиной, но больше не преграждало путь. В крошечной каморке на шестом этаже у него было больше будущего, чем в доме с родными людьми. Единственной ложкой дегтя являлось отсутствие денег. Ромал хотел устроиться официантом в студенческое кафе и даже распланировал рабочий график, чтобы успевать на пары и не забивать на домашние задания, но в кафе ему отказали.

Честно говоря, у Константина Ромала был недостаток, который всю жизнь мешал ему достичь чего-то, даже самого банального, и, кажется, администраторы кафе про-

нюхали об этом. Константин родился не в той стране, и цвет кожи у него был не тот. Вот такой ответ он услышал. Держать университетскую марку, как оказалось, должны даже официанты, уборщики и посудомойки. Удивительно убогая реальность.

— Завтра мне нужно сходить в библиотеку, — глядя перед собой, сообщил Даниил. Легкий ветер играл с его темно-русыми, почти шоколадными волосами. — Да, возможно, я лезу не в свое дело, но мне думается, что ты еще не забрал полный комплект книг, и тогда было бы разумно...

— Почему бы и нет, — перебил парня Костя и небрежно кивнул, — пойдем вместе.

— Ты не против?

— У меня пары до вечера, часов до шести. Дождешься?

— Разумеется, — совершенно серьезно ответил Даня. Он потянул на себя массивную металлическую дверь общежития и пропустил Ромала вперед, потом поспешно засеменил рядом. — Я буду ждать так долго, как потребуется. Для меня это не проблема. Если я дал слово, я его выполняю.

Когда Костя и Даниил оказались на нужном этаже, они заметили, что самая дальняя, богом забытая дверь — их комнаты — настежь раскрыта. Ромал помрачнел. Черт возьми, если бы ему платили за стычки с Артуром-неженкой Поповым, он разбогател бы и без работы. Константин предпочитал игнорировать Артура, но иногда не получалось. На днях Артур заявил, что не собирается оплачивать интернет, так как в брошюре говорилось, что бытовые услуги студентам предоставляются бесплатно. Еще он несколько дней подряд названивал охраннику, чтобы узнать, когда заберут грязные вещи. В понедельник его не устраивала вода в душе, во вторник его раздражал шум из соседних комнат, в среду ему показалось, что шторы слишком плотные. В четверг Константин пообещал, что сломает ему нос, если он скажет еще хотя бы слово.

Угроза действовала ровно до субботы, когда оказалось, что в комнате бессовестно мало розеток и Артур не может заряжать телефон, ноутбук и планшет одновременно.

Костя вошел в комнату и тут же остановился, увидев, как Артур нервно размахивает из стороны в сторону рапирой. Его лицо блестело от пота, щеки горели, как два помидора. Юноша полоснул кончиком оружия невинную стену, которая, как, впрочем, и предполагалось, ничем ему не ответила, а потом вихрем обернулся.

— Черт! — Он отпрыгнул. — Я вас не заметил.

— Демонстрируешь навыки соседям? — поинтересовался Константин.

— Делать мне больше нечего!

— Тогда почему дверь открыта?

— Потому что здесь дышать нечем. Я и окно открыл.

Ромал перевел взгляд на свою кровать. Мятое одеяло. Разбросанные книги, которые, видимо, свалились с подоконника из-за сквозняка. Юноша втянул воздух так глубоко, как позволяли легкие, и медленно прошел в комнату.

Он сделал всего шаг, споткнулся о сумки Попова и едва не полетел вперед, навстречу кровати. Танец удержания равновесия продлился не более секунды. Нога запыла от неприятной боли, и Ромал недружелюбно посмотрел на Артура.

— Какого хрена твои вещи разбросаны?

— Под ноги смотри, — рыкнул Арт и отбросил рапиру в угол.

Константин замер. Улыбка на его губах появилась произвольно и была похожа на улыбку несколько миллисекунд, а затем превратилась в недовольный оскал, из-за которого у обычных смертных свело бы желудок.

— Что ты сказал? — шагнув вперед, переспросил Ромал.

— Тон его голоса и мне показался странным, — внезапно вмешался Даниил и тут же оказался между двумя парнями, — но с точки зрения логики его ответ вполне приемлем.

— Услышал, Мэри Поппинс? Мой ответ вполне приемлем.

— Он не Мэри Поппинс. Почему ты назвал его Мэри Поппинс?

— Потому что нашему нежному Артуру с детства няньки зад подтирали, Даниил, и сейчас он даже свое дерьмо от подгоревшей лапши отличить не может.

— Ты зарываешься, Ромал!

— Это ты зарываешься, мальчик! — Константин прошел вперед, убрав Даниила с пути, и оказался прямо перед недовольной миной блондина. — Позвонишь папочке?

— Что ты несешь?

— Ты ведь Селиверстов — сын местного миллионера. Значок его фирмы приклеен ко всем твоим вещам, гений: рубашкам, ботинкам, чемоданам. Может, и к туалетной бумаге?

— Я не в настроении выяснять отношения, — прорычал Артур, сжав кулаки. Из-за плотных кожаных перчаток для фехтования его пальцы закрипели.

— И я не в настроении. Хочешь узнать почему?

— Нет.

— Я все равно скажу. — Костя расправил плечи и усмехнулся. — Дело в тебе.

— Как поразительно я на тебя влияю. Влюбился, что ли?

Уже в следующую секунду Ромал схватился за ворот рубашки Артура, а Даня резко подпрыгнул и испуганно затараторил:

— Происходящее сейчас абсолютно иррационально! Константин не мог влюбиться в тебя, его тянет к противоположному полу, как и восемьдесят шесть процентов мужчин на этой планете. Возможно, Артур пытался пошутить, что крайне странно при сложившихся обстоятельствах. Но если все же пытался, я выступаю за погашение конфликта.

— Убери руки, — прохрипел Селиверстов, прожигая Константина ядовитым взглядом.

— Я вырву твой язык.

— Не надо! — в ужасе воскликнул Даниил и закрыл руками лицо. — Вряд ли это законно. И наверняка Артур умрет от потери крови. К тому же это не так просто.

— Даниил!

— Да?

Константин посмотрел на перепуганного соседа и процедил:

— Сейчас помолчи.

— Ладно.

Даниил Волков послушно уселся на кровать, зажав руки между колен, а Ромал вновь повернулся к блондину и резко дернул ворот его фланелевой рубашки.

— У меня нет на тебя времени.

— Мне сломать тебе руки?

— Как ты сделаешь это с раскрошенным позвоночником?

Глаза Даниила закатились, и он начал робко постукивать ногой по полу, стараясь изо всех сил не слушать, о чем говорили его соседи. Поразительно, как много гадостей сказать друг другу могут совершенно незнакомые люди. Даниил Волков знал, что Артур не ведет себя как избалованный мальчишка, когда они остаются вдвоем, он знал, что Константин не сорвавшийся с цепи пес, каким его представлял себе Артур. У этих двоих определенно было множество недостатков, но они скорее делали их похожими, чем разными.

Оба — непроходимые упрямцы и эгоисты, зазнавшиеся и удрученные каждый своими причинами, но, что удивительно, добрые. Доброта — редкий дар, как сказала бы мама, но чем старше Даниил становился, тем отчетливее понимал: в доброте столько же хорошего, сколько и плохого.

Константин оттолкнул Артура от себя и с издевкой улыбнулся.

— Давай. — Он подозвал его рукой. — Что ты мне делаешь?

— Я не хочу с тобой драться.

— Я тоже не хотел бы со мной драться.

— Ты переходишь все границы, Ромал.

— Дэвлалэ¹, сделай хоть что-нибудь! Жалкое зрелище. Ты болтаешь как девчонка. От тебя несет как от девчонки. Может, позвонишь своему дружку, чтобы он разобрался?

¹ Дэвлалэ — Господи (*цыг.*).

Неожиданно в изумрудных глазах Арта сверкнуло безумие. Он почувствовал, как по телу прокатилась волна ненависти и усталости, тяжелого отчаяния, от которого хотелось укрыться как можно дальше. Он до сих пор злился на себя за то, что провалил бой на тренировке. Ему надоело ютиться в уродливой комнате, готовить еду, считать деньги и делать вид, что о другой, более легкой жизни он ничего не слышал. Артура разрывало на части, как будто он был плотиной на бурной реке и внезапно ее прорвало.

Парень стянул с правой руки перчатку и кинул ее под ноги Константину. Тот нахмурился. Посмотрел на Артура, потом на перчатку. Затем опять на Артура и ровным голосом поинтересовался:

— И что это значит? — Он прыснул и тут же схватился за туловище, чтобы не согнуться от хохота. — Это вызов?

— Осторожнее, Ромал!

— Да ты убогий, неженка.

— Я выбивал дерьмо из парней и похуже.

— Сомневаюсь, что можно выбить дерьмо из человека, — подметил Даниил, а затем опустил взгляд на колени и замолчал. Наверное, соседям не нравятся его комментарии.

Артур переминался с ноги на ногу, пытаясь придумать действенный способ, который заставил бы Константина Ромала отвалить раз и навсегда, и рывкнул:

— Не здесь! Драки в общаге запрещены.

— Это не драка, у нас дуэль.

— Заткнись!

— Идем! — Ромал не спеша побрел к двери. — Не хочу пачкать кровью пол.

У Даниила перехватило дыхание. Он смотрел, как Константин, а затем и Арт покинули комнату, а потом вскочил. Неужели эти двое намерены драться? Но по какой причине? Из-за того, что у них плохое настроение?

Даниилу Волкову не нравилось, когда последствия не соответствовали уровню проблемы. В каждом поступке должна присутствовать логика, иначе человека уже нельзя назвать человеком. Даня не видел причин для серьез-

ного конфликта. Привыкание — процесс достаточно многогранный, и не каждый способен принять жизнь такой, какая на данный момент она есть. Константину и Артуру стоило дать друг другу больше времени, и тогда Даниилу не пришлось бы нестись за ними стрелой по коридору, судорожно сжимая ключи от комнаты.

— Абсолютная бессмыслица, — бормотал он себе под нос, — неразумно и глупо.

Как и принято у особой мужского пола, ни Костя, ни Артур страха не показывали. Они, конечно, не дрожали от ужаса и отчаяния, но волновались. Никому не хотелось вылететь из университета, поэтому прошли и парк, и студенческую улицу, оставив позади и общежитие, и тех, с кем они могли пересечься на лекциях или в коридорах.

Они шли, и адреналин иссякал вместе с азартом. Но по кодексу чести никто из парней не выказал сомнений. *Кодекс юношеской чести* — вещь довольно странная, о которой девушкам мало что известно. Девчонки скорее заболтают друг друга, чем прямо перейдут в наступление. У парней же выбора нет. Вряд ли представительницы слабого пола когда-либо задумывались, как сложно быть мужчиной. Ему приходится отвечать за свои слова, выпячивать грудь и челюсть, как будто ничего его не пугает и не волнует. Разве на свете существует хотя бы одна девчонка, которая поймет всю глубину мужской боли? Нет ни одной минуты, ни одного дня, когда мужчине не приходится демонстрировать силу и власть, опыт и авторитет. Однажды дашь слабинку — уже никогда не взберешься наверх, на самый пик классовой пирамиды, и никто не станет воспринимать тебя всерьез, даже ты сам. В таком ужасно напряженном и требовательном мире мужчинам приходится день за днем выживать, как давно вымершим мужественным гладиаторам. Вот только хлеба и зрелищ теперь требует не весь народ, а конкретная его подкатегория — женщины.

Костя и Артур остановились в небольшом переулке среди кирпичных невысоких домов. По давно не отремонтированному асфальту катился мусор, из арки доносился

шум проезжающих машин. Высоко на крышах сидели вороны, будто дневные сторожа, и, как только парни прекратили движение, они закаркали и улетели.

— Отлично, — пробубнил себе под нос Артур, — просто помойка.

Костя свел брови к переносице, будто ему не понравилось, что Селиверстов нарушил тишину, и ленивым движением стянул с плеч джинсовку.

— Давай я... — предложил было Даниил, но Ромал бросил куртку на асфальт.

— Без слов сразу к делу, — усмехнулся Арт, покрутив головой, чтобы размять шею, — как интригует. Только не забудь, Ромал, ты сам напророчился.

— Ты много болтаешь.

— Пытаюсь тебя вразумить.

— Твои колени говорят об обратном.

— Еще одно такое утверждение, и я твои колени переломаю.

— Возможно. Если, конечно, закроешь рот и сдвнешься с места, в чем я сомневаюсь.

— Какого хрена ты нарываешься? — разозлился Артур и шагнул вперед. — В чем твоя проблема? Тебя давно не ставили на место?

Ромал холодно усмехнулся. Только один человек поднял на него руку и вышел сухим из воды. Никто никогда не бросал ему вызов, никто на неприятности не нарывался. У людей обычно срабатывал инстинкт самосохранения, который *почему-то* отсутствовал у Артура — сына питерского миллионера.

— Все всегда делали то, что ты хотел? — наклонив голову, спросил Костя и ленивой походкой подошел к блондину. — Они всегда тебя слушали? Затыкались, когда у тебя было плохое настроение?

— Что ты...

— Они лизали тебе зад, подчищали за тобой дерьмо?

— Они получали по заслугам, — прорычал Артур, шагнув вперед, — когда делали то, что мне не нравилось. В отличие от тебя, я вырос не на улице, и я не отброс.

— Да, это видно. Ты у нас знаток высокопарных отношений. Примите мои извинения! — Костя театрально поклонился, прижав кулак к груди. — Я чуть было не забыл, кто передо мною. Ты милосердно удостоил нас своим присутствием.

— Я предлагаю тебе свалить обратно в свою конуру. — Арт и Костя остановились друг напротив друга. — Там тебе самое место.

— Знаешь, где мое место?

— Посмотри на себя. Твое место определили задолго до твоего рождения. Помойная шавка. Может, погадаешь мне по руке? Или мне просто сразу высыпать тебе всю мелочь?

Артур ядовито ухмыльнулся. Косте показалось, что он должен срочно избавиться от этой ухмылки, и уже в следующее мгновение, после яркой вспышки, заставшей глаза, он врезал кулаком по носу блондина. Тот отпрянул, схватился руками за лицо и зарычал от сильной боли. Когда Артур выпрямился и с прищуром посмотрел на Ромала, по его губам и подбородку катились струйки крови, оставляя полосы.

— Вот же... — он внезапно расхохотался. — Вот же сукин сын!

Артур кинулся вперед, словно американский регбист, и повалил Костю на асфальт, а Даня округлил глаза. Все, что происходило, казалось ему абсолютно иррациональным, в жизни он не видел ничего подобного! Неужели разумно разрешать конфликт, нарвавшись на еще больший конфликт? Какой прок от драки? Где логика?

Даниил подпрыгнул, когда зазвонил его телефон, и нерешительно достал сотовый. На дисплее высветилась фотография матери, и парень отвернулся от ребят.

— Если я не возьму трубку, она решит, что произошло что-то плохое, — пробормотал себе под нос Даня, — она позвонит еще раз, но я опять не отвечу, и тогда через два с половиной часа она доберется до общежития, где обнаружит моих соседей с ушибами и, возможно, переломами.

Она обратится на факультет с требованием, чтобы меня переселили в другую комнату, а Артура и Костю, вероятно, исключат.

Послышалось громкое рычание Ромала, и Даня испуганно зажмурился.

— Но если я возьму трубку, мама услышит в моем голосе волнение и поймет, что я что-то недоговариваю. Ей хватит двух с половиной часов, чтобы добраться до общезнания, и будущее потечет по аналогичному сценарию. Какой же выход?

Парень нервно переминался с ноги на ногу, судорожно соображая, как поступить. На его плечи легла тяжелейшая ноша, ведь он не хотел подставлять друзей, которыми для него стали Костя и Артур. Ведь так?

— Соврать! — Даниил решительно кивнул. — Мама не должна ничего заподозрить, и единственный способ убедить ее — хорошо сыграть ложь.

Даня провел пальцем по экрану, зажал свободной рукой левое ухо, чтобы не слушать рычания и ругательства ребят, и отбежал на пару шагов назад.

— Да?

— Даня! — воскликнула Ирина Волкова. — Почему ты так долго не брал трубку?

— Я не слышал.

— А чем ты занимался?

— Я... — Константин рывком повалил Артура на землю, и по переулку разнесся оглушительный шум падающего тела. — Я гулял.

— Ты на улице?

— Верно.

— И с кем гуляешь?

— Со своими соседями. Они... они замечательно проводят время.

— Как чудесно! Я так рада, что вы подружились, дорогой.

— Я тоже, но, знаешь, сейчас я занят, и поэтому...

— Да-да, конечно. Только пообещай, что позвонишь мне, когда вернешься.

— Разумеется. Я позвоню тебе сразу же, как освобожусь.

— Договорились, милый! И держи телефон поближе.

— Хорошо, мам.

Даниил терпеливо дождался, пока мама поспрашивает, и тут же отключился. Он увидел, как Костя и Артур катаются по асфальту, поднимая пыль и грязь. словно секундант, он наблюдал за своими соседями и понятия не имел, как разрешить их спор и чем им помочь.

— Быть может... — начал было он и замолчал, испуганно нахмутив лоб. — Быть может, вы прекратите и мы продолжим общение в другом месте?

Но его не услышали.

Даниил в растерянности взъерошил волосы, зажмурившись от странной боли, полоснувшей внутренности. Он не любил, когда жизнь выходила из-под контроля, и ему всегда становилось чертовски не по себе, едва обычный алгоритм действий менялся и протекал в непривычном ритме. Мозг судорожно искал ответы, извилины гудели, горели и пульсировали, отчего лицо Дани вспыхнуло пунцовым цветом.

— Пожалуйста, — невнятно попросил он, — это же совершенно неправильно.

На него и на этот раз не обратили внимания, и Даниил собирался отвернуться, как вдруг раздался *пронзительный крик*. Даня застыл. Артур и Костя перестали кататься по асфальту и одновременно подняли головы. Они недоуменно уставились друг на друга.

— Что это было? — хрипло поинтересовался Арт. Губа у него была разбита, из носа до сих пор текла кровь. Его лицо пылало от свежих ссадин, а к потному лбу прилипла грязь.

— Это не я, — выпалил Даня.

— Не ты?

Константин рывком поднялся на ноги:

— Но кто тогда?

Испуганный вопль раздался вновь и затем перешел в надрывное рыдание.

— Нет, нет, — умолял женский голос, — пожалуйста, не надо, не нужно...

Костя прошелся по переулку, хромая на правую ногу, и озадаченно осмотрелся. Футболка на нем была разорвана, когда-то белого цвета, она теперь выглядела ужасно. На подбородке пылала глубокая ссадина: кажется, он проехался по асфальту лицом, когда Арт сбил его с ног.

— Постой, — тяжело дыша, обратился к нему Артур, — куда ты?

Ромал поспешил к арке, скрытой за высокими деревьями. Ноги его не слушались, перед глазами плыли круги, но он интуитивно шел на женский голос. А потом замер.

За поворотом открылась отвратительная картина: трое мужчин окружили девушку. Один из них, посмеиваясь, прижимал ее к стене; двое других рылись в ее сумке. Девушка испуганно вертела головой, а широкоплечий белобрысый детина со шрамом возле глаза скалил зубы, поглаживая свободной рукой ее щеку.

— Тише, — шептал он, — ну чего ты плачешь, киска, мы просто хотим пообщаться.

Артур затормозил рядом с Костей и сипло выдохнул разгоряченный воздух. Внутри у него все перевернулось, откуда-то из глубины поднялась злость, он сжал кулаки.

— Их трое, — сказал Ромал, — и нас тоже.

— Нас двое, — парировал Арт.

— Так веселее!

— Я не вижу в этом ничего веселого, — едва слышно прошептал Даниил.

— На тебе девчонка и тот ублюдок, что держит ее за горло.

— На мне?!

— Тише-тише, — поспешил ответить Артур и стукнул Даню по плечу, — это он мне.

— А вы куда?

— Туда и обратно, — ответил Костя и, сплюнув кровь, двинулся в сторону мужчин.

Уставшие и взъерошенные, Артур и Костя побрели к арке, не представляя, чем может обернуться для них героизм. Кретины, издевающиеся над девчонкой, были взрослыми и мощными. Рядом с ними Арт выглядел смешным, а Ромал казался подростком. Но остатки разума выкатились из башки, когда эти двое катались по асфальту. Внутри осталось лишь чувство ответственности, которым по счастливой случайности обладали Артур и Константин.

— Эй! — позвал Ромал и остановился, спрятав руки в карман джинсов. — Девушку отпустите.

Мужчины одновременно обернулись, а плачущая незнакомка в изумлении округлила глаза. Она с надеждой посмотрела на парней, из ее груди вырвались еще более громкие рыдания:

— Помогите, пожалуйста, помогите!

— Рот закрой, — рыкнул белобрысый и с силой отпихнул девушку. Она врезалась в стену и скатилась по ней, как тряпичная кукла. Затем мужчина посмотрел на неожиданных свидетелей, и его лицо исказила уродливая гримаса. — Что ты сказал?

— Отпусти девушку.

— Мы с ней давние друзья, малец.

— Она так явно не считает, — вмешался Артур.

— Вы потерялись? Валите на хрен!

— Она пойдет с нами, — отрезал Ромал и направился к девушке. Артур последовал за ним, не понимая до конца, каков план его ненормального соседа. — Вы или не станете вмешиваться, или нарветесь на большие неприятности.

В мире, в котором вырос Костя, главным являлось не то, как ты выглядел и как хорошо дрался. Все решал характер. Неважно, каким ты был: худым, слабым, слишком мелким или неуклюжим. Ромал смотрел на соперника так, что тот чувствовал привкус проигрыша во рту. Некоторых это пугало, кого-то подзадоривало.

— Что? — спросил отморозок в мешковатой куртке. Видимо, он относился к тем, у кого хватало глупости всту-

пить в драку. Втроем мужики выстроились в ряд, преграждая путь к девушке. — Вы берега попутали?

— Попутали?

— Тебе, щенок, уши прочистить?

— Звучит довольно грубо, — подметил Арт.

— Такое случается с теми, кто пролетает с экзаменами и не поступает в институт.

— Или же кого выгоняют за драку.

— У нас была дуэль, — вежливо напомнил Константин и потер зудящий подбородок, — не путай одно с другим. Это же совершенно разные вещи.

— Но с ними будет драка, — настаивал Артур, — что скажут в деканатах?

— У нас есть оправдание.

— Думаешь, сработает?

— Думаю, можно попробовать.

Костя сорвался с места и с размаху врезал одному из мужчин ногой в промежность. Рыжий толстяк застонал, схватившись руками за живот, а его напарник ринулся вперед. Но Костя и его хорошенько ударил прямо по острому выпирающему кадыку.

Пока Ромал разбирался со своими противниками, Артур помахал рукой незнакомцу со шрамом, который издевался над девушкой, чтобы отвлечь его внимание.

— Иди сюда, — пробормотал он и, обхватив мужика за шею, ударил ему коленом в грудную клетку. Еще раз. И еще. Он собирался врезать незнакомцу руками по спине, но тот внезапно выпрямился и со всей силы оттолкнул его от себя. — Вот же...

Арт рухнул на землю, но почти сразу же поднялся. Каменный свод арки закружился перед глазами вместе с черными точками, а спина разламывалась от боли. Нужна хотя бы парочка минут, чтобы прийти в чувство, но...

— Малолетний ушлепок! — зарычал мужчина.

Артур сощурился:

— Какой еще ушлепок?

— Я шкуру с тебя сдеру, падла!

Громила ринулся вперед, будто медведь гризли, но Селиверстов ловко увернулся, стиснув челюсти, и из последних сил выставил перед собой кулак, который угодил мужчине прямо в подбородок, кулак разрывала боль.

Арт выругался, прижав к себе руку, и посмотрел на незнакомца, который раскачивался на кривых ногах, словно алкоголик.

— Как же больно!

Он подскочил к мужику и повис на нем. Тот упал, а Артур встряхнул плечами и попытался размять пальцы. Рука болела, лицо — тоже. Тело ломило и пылало, как бенгальский огонь.

Арт обернулся, чтобы проверить, как дела у Ромала, и усмехнулся. Костя справлялся отлично, как будто его совсем не заботило, что противников было двое. Более того, дрался он как-то легко, словно занимался этим едва ли не каждый день. Костя свалил с ног одного из отморозков, а Артур подошел к девушке и присел перед ней на корточки. Она до сих пор плакала и держалась руками за голову, не переставая трястись от страха.

— Все в порядке, — успокоил незнакомку Арт и подождал рукой Даниила. — Мы сейчас выведем тебя отсюда, ладно? Побудь с этим парнем. Он никуда от тебя не денется.

— Я их не заметила, — прорыдала брюнетка, — я их не заметила!

Она еще громче расплакалась, а Артур отвернулся и внезапно застыл.

Тот мужчина, которого Костя повалил на землю, медленно поднимался на ноги и доставал из кармана какой-то серебряный предмет. Спустя один миг, одно мгновение Селиверстов понял, что незнакомец сжимает нож.

— Костя! — крикнул он, но Ромал прижимал к стене третьего мужчину и не обернулся, а расстояние между ним и незнакомцем с ножом сокращалось. И тогда Артур совершил странный поступок, на который никогда не решился бы, если б не сильнейший импульс.

Он рванулся и загородил собой Костю, выставив левую руку, как будто она могла защитить его от ножа.

Ромал наконец обернулся, громко зарычал и толкнул противника на стену грубым ударом, а Артур уставился на свою ладонь и огорошено прошептал:

— Вот дела.

Кожа разошлась, словно порванная ткань. Кровь лилась так стремительно, что под ногами парня образовалась небольшая лужица. Голова закружилась, и Арт покачнулся в сторону, но Костя подхватил его за плечи и вернул в стоячее положение.

— Ты чего, Селиверстов? — задыхаясь, спросил он. — Какого хрена ты сделал?

— Спас тебя, полагаю.

— Не надо меня спасать. Я и сам справляюсь.

Артур моргнул несколько раз, чтобы унять головокружение, и сказал:

— Мне так не показалось.

Глава третья

ПРИМИРЕНИЕ

Артуру наложили семь швов. Рукой он двигал с трудом. Да и пальцы его толком не слушались: разжимались и сжимались с огромным трудом. На ночь ему пришлось выпить обезболивающее, потому что ладонь пульсировала и горела, словно ее жарили на вертеле. К тому же у него жутко болел нос, ныло плечо, щипала губа — словом, причин для самобичевания было много. Но из-за таблеток он отключился почти сразу, а вот Константин промучился до самого утра, так и не разобравшись до конца, что его больше беспокоило: ссадины или совесть.

После совместной лекции по философии Артур и Даниил вместе пошли в кафетерий и заняли места около запасного выхода. Артур с трудом открыл газировку, нахмурившись, будто беспомощный ребенок, а Даня разложил

столовые приборы рядом с тарелкой и едва слышно поинтересовался:

— Так твоя фамилия не Попов?

Селиверстов кинул на него виноватый взгляд и ответил:

— Нет.

— Выходит, ты соврал.

— Не принимай на свой счет, ладно? Я тут всем вру, включая преподавателей.

— Разве можно врать преподавателям?

— Нельзя. Но я не Попов, а Селиверстов. — Артур отпил газировки и раздосадованно усмехнулся. — А значит, обычные правила на меня не действуют.

— И у такого поведения, полагаю, есть причины, — рассудительно сказал Даниил.

— Разумеется. Откликаться на чужую фамилию не так уж и просто. Но я сам решил на эту авантюру, так что мирюсь с последствиями.

— Знаешь, я не понимаю, что может заставить человека изменить свою личность.

— Выходит, ты счастливчик.

— Нет! — Даня серьезно посмотрел на соседа и положил руки на стол. — Но моя мама считает, что мы идеальны в том виде, в каком есть.

— Значит, твоя мама не жила рядом с лицемерами и стервятниками, для которых твое состояние значит больше, чем ты сам. Ну а самое паршивое, что найти этих стервятников невооруженным глазом довольно сложно, ясно? Это идиотская тема, — махнул рукой Арт и принялся резать отбивную тупым ножом. — Я вроде как пытаюсь начать жить заново.

— Не уверен, что это возможно.

— Возможно, если очень сильно захотеть.

Даня нахмурился, отпил кефир и пожал плечами:

— Ты все равно останешься Артуром Селиверстовым, даже если тебя будут называть Поповым. Но я попытаюсь понять твою логику. В твоем поступке есть логика?

Артур скривил губы:

— Мои родители определенно с тобой не согласились бы. Арт достал из рюкзака таблетки и потянулся к кефиру Дани.

— Ты не против?

— Нет, разумеется. Бери!

— Если не принимать таблетки, башка кругом идет.

— Кругом?

— Ну... перед глазами черные точки прыгают.

— Прыгают точки?

Артур снисходительно посмотрел на соседа и попытался объяснить:

— Мне становится плохо, если я не принимаю лекарство.

— Вот в чем дело, — с пониманием кивнул Даниил и тоже отпил кефир, отчего над его верхней губой появилась белая полоска. — Тебе стоит еще раз показаться доктору.

— Посмотрю по состоянию.

Селиверстов вновь принялся за отбивную, как вдруг услышал гоготание парней за соседним столиком. Они разглядывали спину Дани Волкова и хохотали, словно на ней была приклеена табличка с какой-нибудь слабоумной глупостью. Арт свел брови:

— Чего им так весело?

— Полагаю, они смеются надо мной, — совершенно спокойно ответил Даня. Он вытер белую полоску от напитка, поправил поднос таким образом, чтобы его край был идеально параллелен краю стола, и взялся за вилку. Артур вновь перевел на него взгляд.

— Что значит — над тобой?

— Мы учимся на одном факультете. Я... просто я не нравлюсь многим людям.

— И по какой же причине?

— В отличие от тебя и Константина, у них мозг несформировавшихся подростков, а не серьезных студентов. Они считают... они уверены, что я отличаюсь от других.

— И чем же ты отличаешься?

— Всем.

— Они ошибаются.

— Тебе не нужно врать, чтобы меня подбодрить.

— Да черта с два, — возмутился Артур, — им просто в челюсть давно не давали.

— Не все проблемы можно разрешить силой, — подметил Даня.

— Все! Иногда это самый простой вариант, иногда неправильный, но он возможен при любых обстоятельствах. Поверь мне. И почти всегда он самый эффективный.

Неожиданно рядом с Даней появился третий стул, и к парням подсел Константин.

Он сбросил с плеч рюкзак, поставил бутылку воды на стол и сцепил в замок пальцы, будто собирался произнести долгую и жутко приторную речь. Однако слова на ум не шли, да и желания распинаться у Кости не было. И он лишь небрежно посмотрел на запекшуюся ссадину на подбородке и спросил у Артура:

— Как рука?

Тот усмехнулся. Как же ему хотелось отшутиться и выпалить что-то ядовитое и колкое. Но неожиданно запал угас. В чем суть конфликта? Почему они с Костей возненавидели друг друга? Если честно, Артуру было не по себе после тех слов, что он наговорил в переулке. Может, он и вырос в состоятельной семье, но его родители — порядочные и честные люди, которые никогда не опускались до оскорблений.

— Порядок, — наконец ответил он.

— Ты подставился.

— Ну да, иногда я само очарование.

— С какой стати тебе выручать меня?

— Ты хотел сказать: с какой стати мне спасти твою шкуру? — Арт пожал плечами и в недоумении уставился на Костю. — Ты поступил бы иначе? Тот кретин, скорее всего, шею тебе собирался проткнуть.

— Или легкое, — добавил Даня.

— Или легкое, — согласился Селиверстов. — Надо было что-то делать.

- И ты внезапно возомнил себя Человеком из стали¹.
- Слушай, любой поступил бы на моем месте так же.
- Не любой.
- Хорошо, я перефразирую: любой адекватный человек.

«Любой *хороший* человек», — подумал про себя Костя и стал еще угрюмее. Он никак не мог понять, как *самотверженность* уживалась в теле Артура Селиверстова. Этот парень думал только о себе, жил только ради себя. Он капризничал и сетовал, как девчонка. Совершенно не приспособленный к самостоятельной жизни, нытик, неженка... и храбрец, спасший человека от больших неприятностей?

Еще абсурднее выглядела ситуация из-за того, что Артур спас не просто чужого человека, а того, кто как раз перед этим пытался надрать ему зад.

— Там, где я вырос, такой поступок много значит, — отрезал Костя и посмотрел на блондина угольными глазами. — Я его запомню.

— А где ты вырос?

— Далеко от тех мест, где вырос ты.

Видимо, несмотря на благодарность, говорить о своей жизни Ромал не собирался.

— Исчерпывающий ответ.

Ребята замолчали. Артур сжимал и разжимал раненую руку, пытаясь избавиться от ноющей боли, Костя с недовольным видом потирал подбитые подбородок и глаз, думая о том, как сильно он заблуждался относительно мягкосердечного блондина, а Даниил робко поглядывал на соседей и терпеливо ждал, пока кто-то из них нарушит молчание. В глубине души он радовался тому, как мирно они проводят время. Они впервые сидели за одним столиком, не грызлись и не пытались друг друга задеть. Было

¹ «Человек из стали» — фантастический боевик режиссера Зака Снайдера и продюсера Кристофера Нолана по сценарию Дэвида Гойера, основанный на комиксах о Супермене издательства DC Comics.

бы странно оправдывать состоявшуюся вчерашним вечером драку, но именно этим Даниил и занимался, находя хорошее в плохом и выискивая логику там, где ее не могло быть.

— Вот они! — неожиданно раздался женский звонкий голос, и рядом с Ромалом на появившийся из воздуха стул плюхнулась темноволосая девушка. Костя резко обернулся, брови Артура подпрыгнули вверх, а Даня раскрыл от ужаса рот: ему безумно не хотелось, чтобы Костя вновь разозлился, ведь делал он это с полоборота. — Оля, иди сюда!

К столику подошла еще одна незнакомка. Выглядела она немного смущенной, хотя в глазах у нее светился неподдельный интерес. В отличие от подруги, у этой девушки волосы переливались золотом. На запястьях обеих рук звенели разноцветные браслеты.

— Вы ведь спасли меня вчера, — воодушевленно заговорила девушка и схватила Костю за руку, — а вы уже забыли? Я Катя, Катя Морозова, господи, вы меня выручили, спасли! Я так перепугалась, а вы возникли из воздуха. Оля, они прямо как ниндзя!

Только теперь Константин осознал, кто рядом с ними. Сейчас темноволосая девушка была накрашена. Лицо у нее не было опухшим и багровым, одежда сидела аккуратно, а волосы были уложены. Косте не нравилось, что незнакомка льнула к нему всем телом.

— Мы не узнали тебя, — немного растерянно сказал Артур. — Ты хорошо выглядишь.

— Благодаря вам! Если честно, я думала, что с ума сойду. Весь день рыдала и из дома не выходила, но потом взяла себя в руки. В конце концов, все ведь закончилось мирно.

— Ну да, мирно.

Арт спрятал под стол перебинтованную руку, а Костя добавил:

— Мы рады, что ты в порядке.

— А я рада, что вы оказались рядом. Оля, они нереально крутые.

— Вы расправились с тремя преступниками? — нерешительно поинтересовалась Оля и переступила с ноги на ногу... — Вы избили их?

— Просто поговорили, — отрезал Ромал.

— И вы... вы можете так поговорить... с кем угодно?

Даня нахмурился, а Костя поднял угольные глаза на Олю и увидел ее плотно сжатые губы и трясущиеся руки.

— В смысле?

— Да в прямом, — ответила за подругу Катя. — Олю достает бывший парень. Причем уже несколько месяцев, открытки странные шлет.

— Откуда достает? — не понял Даниил.

— Из дома, из общежития, да откуда угодно. Он вечно рядом, псих этот.

— Я думала, вы смогли бы... у вас бы получилось... на место его поставить.

— Стоп-стоп, — улыбнувшись, воскликнул Артур и откинулся на спинку стула, — о чем это вы? Я что-то не понимаю.

— Я заплачу! — внезапно воскликнула Оля, удивив всех сидящих за столиком.

— За что заплатишь?

— Мне страшно по улицам ходить и в комнате оставаться одной. Он мне присылает наши фотографии, только лицо мне перечеркивает и моего друга избил! Хотя мы просто общаемся, честное слово! Я не знаю, к кому обратиться, я... Мой папа разобрался бы, но я из другого города и не хочу его впутывать. А Катя вчера рассказала о том, что случилось, и я решила, что у вас... что вы сможете мне помочь.

После такой пламенной тирады Артуру стало не по себе. Даня искоса посмотрел на Костю, предчувствуя неладное, а Ромал спросил:

— Шлет тебе фотографии?

— Странно, что тебя удивило именно это, — сквозь кашель проговорил Арт.

— Он тебе угрожал?

— Иногда ломится в дверь. Может проспать до утра в коридоре.

— А еще он как-то за руку ее схватил, — вмешалась Катя, хлопнув рукой по столу, — помнишь? У тебя синяк несколько недель не проходил.

Оля лишь кротно кивнула.

— Почему ты не обратилась в полицию?

— Я пробовала, но там решили, что доказательств недостаточно.

— И что ты хочешь от нас?

— Поговорите с ним, — попросила девушка и с надеждой посмотрела на Костю, — вас он послушает. Если вы откажетесь, я не знаю... не представляю...

— Интересная просьба, — пробурчал Артур.

— У меня есть деньги, я заплачу вам тысячу или две, это не проблема!

— Нам не нужны твои деньги.

— Тогда что нужно? — Девушка взглянула сначала на Артура, а потом на Костю огромными глазами, полными страха и отчаяния. — Вы мне только скажите, я найду.

То, что происходило, казалось розыгрышем. Арт всматривался в бледное лицо незнакомки и гадал: шутит она или говорит серьезно. Он искал подвох, но, кажется, девица их не обманывала. Даня предпочел не вмешиваться и нервно постукивал пальцами по коленям, надеясь, что Артур и Костя примут правильное решение — жить мирно и спокойно.

Однако Костя был довольно странным и сложным человеком. Он плохо сходился с людьми и не выносил несправедливости. Годы жизни с отцом научили его, что беспомощность — одно из самых страшных чувств.

Быть загнанным в угол и сломленным — больно. Больнее, чем быть избитым.

— Что я могу для вас сделать? — теряя надежду, спросила Оля, и Ромал посмотрел на нее. — Я все сделаю, только скажите, пожалуйста. Мне нужна ваша помощь.

— Что ж. — Костя принял решение. Возможно, скоропалительное. Возможно, чересчур самонадеянное. Но определенно совестливое. — Скажи, кто он и где его можно найти.

Даниил едва не подавился собственной слюной и расширил голубые глаза. Как же он надеялся, что Костя так не ответит! Но нет. Его новый друг любил рисковать и набираться опыта. Пусть даже горького опыта. Селиверстов, улыбаясь, покачал головой.

Дело принимало интересный оборот.

— Насколько серьезно нам надо с ним разговаривать? — спросил он, шутливо вскинув брови. — Он должен извиниться или после нашего «общения» несколько недель страдать от неправильного прикуса?

— Я просто хочу, чтобы он оставил меня в покое.

— Где его можно найти?

— Его зовут Кирилл, и сегодня вечером он собирается на вечеринку в двенадцатом общежитии. Вы живете рядом?

— Через несколько кварталов.

— Несколько десятков кварталов, — поправил Костю Артур и вновь очаровательно улыбнулся: — Ты не могла бы скинуть его фотографию, иначе придется разговаривать со всеми Кириллами, которые придут развлекаться.

— Да, разумеется. Как тебя зовут?

— Артур Сел...

Парень внезапно запнулся и сдулся, как воздушный шар. Он не мог назвать девушке фамилию и адрес своей страницы. Он учился инкогнито, а значит, любые знакомства с Артуром Селиверстовым невозможны. Разве что с Артуром Поповым, но только страницу новую Арт не создал, а потому хмуро посмотрел на ребят.

— Может, кто-то из вас займется этим?

Даниил с готовностью кивнул:

— Конечно. Ольга, вы можете прислать фотографию и данные мне.

Когда девушки ушли и Катя наконец-то выпустила из своих цепких пальцев руку Константина, Даня отставил подальше стакан с кефиром и серьезно проговорил:

— Это плохая идея.

— Почему же? — поинтересовался Ромал. — Девушке нужна помощь.

— Сама по себе просьба избить человека — иррациональна.

— Разве она говорила об избииении?

— Она это подразумевала.

— И что ты предлагаешь? Пусть и дальше этот кретин издевается над ней?

— Я предлагаю еще раз обратиться в полицию.

— Менты в своем репертуаре, — вступил в разговор Артур, — мы сказали им, что на девушку напали, что мне руку порезали и мы даже лица этих ублюдков видели! А они все равно дело не завели. Не хотят заморачиваться.

— В газетах пишут, что люди пропадают. Им давно пора заморочиться.

— Заморочиться? — не понял Даня.

— Обрати внимание, — пояснил Костя.

— Я не слышал, что люди пропадают.

— Уже семь человек. И это за несколько месяцев. Говорят, орудует какая-то группировка.

— Что за группировка?

— Если бы знали, давно привели бы Питер в порядок. — Артур облокотился об стол и серьезно посмотрел на Ромала: почему-то Арту показалось, что его сосед собирался в одиночку разговаривать с новоиспеченным сталкером. — Я как раз подумывал развлечься этим вечером. Почему бы не в двенадцатой общаге?

— Мне не нужна помощь.

— А мне нужна компания.

— Я похож на того, кто хочет составить тебе компанию?

— Выбирать не приходится.

Ромал недовольно отрезал:

— Ты вновь начинаешь действовать мне на нервы.

— Парень, остынь, мы же нашли общий язык десять минут назад, верно? Какой толк от наших стычек? Давай лучше вспомним, что я спас тебе жизнь.

— Ты будешь часто об этом говорить.

— Это вопрос или утверждение?

Костя закатил глаза и поднялся из-за стола. Спину све-ло, как будто вчера кто-то хорошенько помолотил по ней, что, собственно, являлось правдой. Ромал не собирался искать друзей. Не надеялся их найти. Он давно уяснил: каждый сам за себя. Это правило не менялось в течение его жизни. Почему сейчас должно быть иначе?

— Станешь много болтать, я за себя не ручаюсь.

— Нужно было не в нос целиться, а в челюсть, — с сарказмом подметил Артур, мирно пожимая плечами, — тогда проблем было бы меньше.

Костя усмехнулся и, отходя от столика, бросил:

— Отлично. Учту на будущее.

* * *

С фотографии, которую Дане прислала Оля, криво ухмылялся русоволосый парень. Подбородок у него был чересчур узким, отчего лицо казалось почти треугольным. Лоб — блестящий от пота, нос — длинный и горбатый, как металлический крюк. В плечах Кирилл был достаточно широк, но в целом опасности для парней не представлял.

Хотя, разумеется, мало кто думал об опасности. Волновался лишь Даниил, но Костя и Артур впервые имели одинаковое мнение и посоветовали ему остаться дома. Даня злиться не умел, не пробовал, но почувствовал горьковатый привкус разочарования. Ему, конечно, не хотелось идти на стрелку и размахивать кулаками, он даже мухи в своей жизни не обидел. Но видеть, как ребята уходят, и провожать их взглядом было досадно. Он мгновенно почувствовал себя покинутым и одиноким, словно его наказали за оплошность и велели стоять в углу до прихода взрослых. Дверь за Артуром и Костей закрылась, и Даниил уселся на край своей кровати.

До двенадцатого общежития Артур и Константин добирались на метро. Поздним вечером в подземке пассажиров не так много, как утром, и парни, не торопясь, вошли в поезд и заняли места друг напротив друга. Поезд

заскрипел, грузно двинулся по туннелю, а затем разогнал-ся, словно выпущенная из лука стрела.

От неожиданности Арт едва не скатился с места и ухватился за скользкий поручень.

— Жесть, — выпалил он и уселся поудобнее, — так и шею сломать можно.

Костя не ответил, даже не посмотрел на него. Пялился куда-то в потолок, задумчиво постукивая ногой в такт визжащим по рельсам колесам. Свет на мгновение потух, загорелся вновь. Артур недовольно нахмурился и спросил:

— Что это было?

Ромал терпел.

— Разве все в порядке?

Ромал прикрыл глаза.

— Может, стоит выйти на следующей остановке, чтобы...

— Ты выйдешь на следующей остановке, если не замолчишь, — предупредил Костя и так посмотрел на Артура, что тот потерял желание задавать новые вопросы.

— Я давно не ездил на метро.

— А я давно не ездил на лимузине.

— Ты ездил когда-то на лимузине?

— А ты ездил когда-то на метро?

Арт хмыкнул и сложил на груди руки, не собираясь признавать, что существует в этом мире нечто такое, чего он никогда не делал. Вагон хорошенько трянуло, и Селиверстов в очередной раз потерял равновесие, но на этот раз выругался про себя, а не вслух.

Ромал исподлобья осмотрел своего соседа. Он не мог раскусить Артура и понять его. Что Селиверстов забыл в питерском университете? Почему жил в общежитии? Куда вдруг подевались все его деньги? По какой причине он скрывал свое имя? Сначала Костя решил, что богатенькому сынку стало скучно. Теперь он не был в этом уверен. Уж слишком часто Артур выглядел глубоко несчастным человеком. Вряд ли наследнику большого богатства по доброй воле приспичило вкусить серой реальности.

Парни вышли на нужной станции и молча направились к выходу. Артур неожиданно вспомнил о тех днях, когда ему не приходилось притворяться бедным студентом, и лукаво улыбнулся. Расправил плечи и на миг стал прежним самодовольным типом без стыда и мук совести. Жизнь кардинально изменилась, но кто помешает Артуру Селиверстову идти по подземке так, словно он приобрел ее: купил поезда и эскалаторы, людей и эту станцию. Он умел идти с таким видом, что прохожие оборачивались ему вслед и завистливо шурились.

Чего нельзя было сказать о Константине. Он шел, опустив глаза в пол, будто не интересовался тем, что происходило вокруг; правую руку он сунул в карман, а левой размахивал в такт шагам. Ромал всегда знал, на что стоит тратить время и силы и какое впечатление он производит на людей. Он прекрасно осознавал, что себе может позволить и что должен сделать, чтобы позволить себе абсолютно все. Нестандартная и непростая философия, которую не одобряли родные. Но именно она помогла ему достичь того, чего он имел.

— Я никогда здесь не был, — задумчиво сказал Артур, глядя на торговый центр, подсвеченный белыми лучами. Вид потрясающий, но Селиверстов почему-то грустно выдохнул. — До центра рукой подать, а я об этой улице никогда не слышал. Мы вообще редко выбирались на экскурсии.

— Экскурсии?

— Ну я имею в виду, что город мы особо не исследовали.

— Ясно.

Ромал молчал, не собираясь поддерживать разговор, но Арт продолжил:

— Знаешь, мы с друзьями хорошо отрывались. Хотя сейчас я не уверен... Думаю, мне тогда казалось, что весело. Понимаешь?

— Нет, — сухо ответил Костя.

— А ты — само очарование. Тебе не говорили, что с тобой крайне приятно общаться?

— Слышу это постоянно.

— Что конкретно тебя бесит? — поинтересовался Артур. — Что у меня богатый отец? Или что я хочу это скрыть?

— То, что ты никак не заткнешься. — Костя недовольно покосился на своего соседа. — Ты умеешь идти молча? Или движение твоих ног зависит от движения твоего языка?

— Слушай, я встал на путь истинный и не собираюсь опять драться с тобой. Пойми меня правильно, я раньше с таким, как ты, даже рядом не встал бы. Без обид.

— Ну что ты.

— А сейчас я изменился, иначе смотрю на вещи и...

— Клянусь богом, Селиверстов, — взорвался Ромал и повернулся к Артуру, — если ты не завершишь пламенную исповедь, я еще раз врежу тебе по физиономии.

— Да тише, парень, — присвистнул блондин, примирительно подняв ладони. — Я не имел в виду ничего такого, из-за чего нам опять придется асфальт собой вытирать. Я по-доброму.

Костя сильно сомневался, что Артур понимал, что он несет, но затем его взгляд упал на перебинтованную руку Селиверстова, ту самую, которой он прикрыл ему спину, и злость улетучилась, перевоплотившись в колючую досаду.

— Просто... — Он устало передернул плечами и двинулся дальше. «Я ему должен, я ему обязан», — думал Костя, а он не привык к таким ощущениям. Помощи он ни у кого не просил и ни от кого ее не ждал. Он готов помогать другим, но сам днем и ночью сражался с проблемами в одиночку. — Иди молча.

— Ясно, — подвел итог Арт, а потом вздернул подбородок, словно ему совсем не надоело наступать на глотку, нарушая собственные принципы.

— Что тебе ясно?

— Что у тебя проблемы.

— Вот, значит, как.

— Серьезные такие проблемы с оценкой действительности.

— *С оценкой действительности?* — равнодушно переспросил Ромал, обернувшись. — Выходит, ты у нас не только неженка и богатый наследник, но еще и психолог?

— Проблемы налицо.

— Скорее на лице.

— Как и мои, — усмехнулся Арт и поморщился от боли. — Если честно, не ожидал, что ты ударишь. Мы, конечно, шли разбираться, но я не думал, что дойдет до рукопашки.

— Привыкай.

— К чему?

— Что за слова придется отвечать.

— Закон улиц?

Костя покосился на блондина и нехотя ответил:

— Закон жизни.

— Слушай, в переулке я наговорил всякого дерьма, ты меня выбесил. Обычно я не так красноречив, — Артур скривил губы, — но меня переклинило. Проблемы в универе. Плюс у тебя талант поносить людей и выставлять их идиотами. Я не смог удержаться.

— Оправдываешься?

— Поясняю. — Ребята свернули и направились к многоэтажке, из которой доносился громкий гул. Наверное, вечеринка уже была в самом разгаре, хотя на часах едва минула половина одиннадцатого. — День был паршивый.

— Это многое объясняет.

— Я серьезно. Мне с тобой делить нечего. Ты вроде умный парень, книжки читаешь и к Дане хорошо относишься, вчера девчонку спас, сегодня еще одну хочешь выручить.

— Ты решил перечислить все мои положительные качества? — поинтересовался Костя и взглянул на Артура. — Давай без нытья, Селиверстов. Научись держать язык за зубами и хотя бы разок запри за собой дверь в общежитии. Тогда твой нос останется в целости и...

— ...сохранности?

— Читаешь мысли.

Артур улыбнулся и ответил:

— Ладно. Буду запирать дверь.

— В точку.

— А что насчет тебя?

— Что насчет меня? — не понял Ромал.

— Я научусь закрывать дверь. А ты чему научишься?

— Терпеть твоё чувство юмора.

— Вот как, — удивился Арт, — как по мне, так неравнозначные вещи.

Костя потянул на себя металлическую скрипящую дверь двенадцатого общежития, переступил порог студенческой обители, и тут же на парней обрушились отвратный запах старой мебели и грохот мощной стереосистемы. За столом администратора никого не было, то есть пройти мог кто угодно, а около лифта столпились студенты, делящиеся сигаретами, как непослушные школьники.

— Привет! — завопили они, увидев Костю и Артура, будто знали их всю жизнь. Костя не обратил на них внимания, а Артур улыбнулся и протиснулся в лифт вслед за угрюмым соседом, не понимая, отчего тот выглядел так, словно кто-то коньки отбросил. Интересно, Ромал вообще умеет развлекаться? Улыбаться? Разжимать кулаки? Мутный парень.

Студенческие вечеринки — царство анархии и безответственности. Парни и девушки забывают на них о том, что «пора взрослеть» и «головой нужно думать». И в течение долгой ночи бравая компания напивается, напевает песни, перемещаясь из одной комнаты в другую. В общем зале, где обычно располагается кухня или комната отдыха, ставят колонки, а лестничные пролеты превращаются в импровизированные курилки. Там ссорятся, дерутся и выясняют отношения.

Костя и Артур вышли на третьем этаже, откуда громче всего доносилась музыка, и принялись разыскивать Кирилла-ублюдка-Семенова. Людей так много, что на поиски явно уйдет уйма времени. Селиверстов незаметно стащил со стола бутылку светлого пива и попытался вспомнить, когда он в последний раз пил пиво. У них на вечеринках принято распивать совершенно другие алко-

гольные напитки. Правда, в свое оправдание парень мог сказать, что он пробовал баварское пиво — настоящее, разливное — в одном ресторанчике Мюнхена. Понятное дело, ничего не объединяло баварское пиво и отвратительное пойло в бутылке, которую он сейчас держал.

— Это пиво, — как бы между прочим заметил Костя, увидев глубокую морщину на лбу Артура, нюхающего горло бутылки, — его пьют.

— Я знаю, что это такое, — огрызнулся Артур.

— Уверен?

— Я пытаюсь понять, стоит ли пить.

— Ясно, — бросил Ромал, — боишься отравиться?

— Прикидываю, из какой канализации добывали эту мочу.

— Еще не попробовал, но уже сделал вывод.

— Некоторые вещи просто знаешь, — отрезал Артур и поставил пиво на облупленный подоконник, — когда-нибудь я угощу тебя настоящей выпивкой, друг мой. И ты постигнешь счастье.

— Не припомню, когда это мы стали друзьями.

— Не хочешь попробовать настоящую выпивку?

— Хочу.

— Тогда нам придется подружиться.

— Не думал, что это стоящий повод, но ладно. — Костя осмотрелся и выдохнул. Ему уже порядком надоело рассказывать среди опьяневших студентов. — Не видишь нашего героя?

— Нет. А ты?

— Тоже.

— Надо подняться на четвертый этаж.

— Иди на четвертый, а я осмотрю второй.

— Кто найдет — тот звонит. — Арт продиктовал Ромалу номер телефона и небрежным движением смахнул со лба волосы. — Надеюсь, мы не проторчим тут до утра.

— Нам нужно успеть до закрытия метро, иначе придется тащиться пешком.

— Точно, у меня из головы вылетело. Тогда не будем тратить время.

Парни кивнули друг другу и направились к лестнице. Артур стал напротив лифта, а Костя свернул к ступенькам, как вдруг металлические створки разъехались, и перед носом Арта появился Кирилл Семенов собственной персоной.

Толпа студентов вывалилась из лифта, Артур откашлялся и преградил сталкеру-психопату дорогу.

— Не торопись, — попросил он.

— Что? — фыркнул Кирилл, прищурившись, словно ему лимон попал в глаза.

— Погоди минутку.

— Какую минутку?

Тут подошел Костя и одним движением запихнул Семенова обратно в лифт. На лице того появилось выражение недовольства, но створки захлопнулись, и возмездие уже приближалось. Внезапно Костя нажал на красную кнопку, и лифт резко трянуло, прежде чем он завис между этажами.

— Какого хрена? — возмутился Кирилл.

— Какой банальный вопрос, — заметил Артур.

— Я вас знаю?

— Ты знаешь нашу подругу, — низким голосом отрезал Ромал и по-птичьи наклонил голову. — Оля. Быть может, вы с ней пересекались...

— ...общались.

— ...виделись.

— Какая, на хрен, Оля? — Глаза парня налились дикой злостью. Он расправил плечи и шагнул вперед, но Костя даже не шелкнулся. Просто поднял подбородок, чтобы посмотреть жертве прямо в глаза. — Вы с катушек съехали? Меня ждут.

— Потерпят.

— Что вам нужно?

— Поговорить.

— Так говорите и проваливайте. Чего пялитесь? Я не собираюсь...

Константин выкинул вперед правую руку, и она врезалась Кириллу прямо в живот. Потом он замахнулся левой

и оттолкнул парня от себя, да так, что тот ударился спиной о корпус лифта и застонал, словно подбитое животное.

— Что за... — Семенов округлил глаза и неожиданно позабыл о злости, превратившись в перепуганного, сбитого с толку трусливого парня. — Вы что творите? Сдурели?

— Оле совершенно не нравится, что ты ее преследуешь, — пояснил Артур, опираясь боком о металлическую стенку, изрисованную граффити. — Теперь ты понял, о ком мы говорим?

— Ни фига я не понял!

— Напряги извилины.

— Я ничего ей не сделал!

— Все-таки понял...

— Да что вам от меня нужно? — Надо же. Оказывается, даже имея гору мышц, можно выглядеть отвратительно жалко. Костя усмехнулся, а Кирилл весь сморщился, будто его подвергали невыносимым пыткам. — Я ее пальцем не тронул.

— Ты изрядно ей докучаешь, — продолжил настаивать Селиверстов.

— Да что такое! — встrepенулся парень и выпрямился. — Я никому не докучаю, вообще не понимаю, о чем вы, если вы сейчас же не...

Ромал предупредительно покачал головой, и Семенов запнулся.

— Не надо лгать, — попросил Артур.

— Она наплела вам всякой чепухи, выставила меня кретином, а сама прыгает из койки в койку, ублажила уже всю общагу, а я ведь знал, что она первоклассная шлюха. Вы ведь с ней тоже спите, да, поэтому приперлись сюда и мозг мне выносите? Поэтому...

Костя не выдержал и вновь рванул вперед. Что-то срабатывало в его голове, громкий щелчок, после которого наступала темнота.

Каждый раз, когда Виктор Ромал поднимал руку на свою жену Анну, их маленький сын прятался в гигантском платяном шкафу, закрывал глаза и зажимал уши. В этом мраке он провел большую часть своего детства.

И потом этот мрак вырвался наружу, не томился больше в платяном шкафу, а стал неотъемлемой частью его жизни. Всего один импульс. И всего одно слово. Механизм срабатывал, и Костя оказывался в крошечной темноте.

Ромал очнулся, прижимая Кирилла за ворот куртки к стене лифта.

— Эй, тише! — присвистнул Арт и встал между Костей и Кириллом. — Давай оставим его в живых для разнообразия, ладно? Отпусти парня, он все понял, слышишь? Отпусти!

Костя замер и увидел, как по лицу Семенова течет кровь. Когда он его ударил? Ромал не помнил. Паника завладела им всего на мгновение, но затем он скривил губы в холодной усмешке и рывком приблизился к перепуганному лицу жертвы.

— Если я узнаю, что ты вновь следил за Олей, что ты посмотрел в ее сторону... я тебя найду. — Безумие сверкнуло в угольных глазах. — Ты понял меня?

— Я...

— Что?

— Понял.

— Не слышу!

— Понял! — простонал пунцовый от стыда и ужаса Кирилл, и Костя отпустил его. На лице Артура появилось странное выражение. Он нажал на красную кнопку. Лифт поехал вниз, а в воздухе повисло гнетущее напряжение.

Перед выходом Артур улыбнулся:

— Оля передавала привет! — Он тенью последовал за Ромалом. Едва они оказались на достаточном расстоянии от лифта, блондин остановился и взмахнул руками. — Ты жутко выглядел, амиго. Что это вообще было?

— Как ты меня назвал?

— А как правильно сказать? Мучачо?

Костя обернулся и предупредил:

— Не нарывайся!

— Я задал вопрос.

— А я сделал то, о чем нас попросили.

— Ты здорово его напугал.

— По-моему, в этом был весь смысл. Или у тебя тоже затряслись поджилки, неженка?

— У меня ничего не затряслось. Не говори чепухи. — Артур подошел к Ромалу и вдруг улыбнулся. — Мы хорошо сработались, верно?

— Сработались? — со скепсисом в голосе переспросил Константин.

— Ага, как будто всю жизнь этим занимаемся. Я хороший коп, ты плохой. Думаю, Кирилл больше к девчонке не подкатит.

— А если подкатит — пожалеет.

— Точно!

Селиверстов внезапно рассмеялся. Почему-то эта ситуация показалась ему забавной: им хватило минуты, чтобы вывести из себя рослого двадцатилетнего парня.

Золотая молодежь обычно так не развлекается, но ведь Артуру хотелось измениться, стать кем-то совершенно другим, новым, исправленным и свободным. Он и раньше участвовал в драках, но удовольствия ему это не приносило. Сейчас парень криво улыбался, так и видя перед глазами перекошенное от недоумения и страха лицо Кирилла Семенова.

— Надо бы отпраздновать.

— Что именно? — поинтересовался Костя и спрятал руки в карманы куртки. — Тебе не доводилось прежде застревать в лифте?

— С целью устроить кому-то суд Линча?¹

— Я искренне удивлен, что ты использовал данную метафору.

— А я удивлен, что ты в курсе того, что такое метафора. Ну? — Арт воодушевленно расправил плечи. — В конце концов, мы на вечеринке. Глупо уходить просто так.

— Сомневаюсь, что тут найдется выпивка получше той, что ты окрестил мочой.

¹ Суд Линча (линчевание, *англ.*: the Lynch law) — убийство человека, подозреваемого в преступлении или нарушении общественных обычаев, без суда и следствия, обычно уличной толпой, путем повешения.

— Кто ищет, тот всегда найдет.

Костя не разделял восторга богатенького наследника. Подумаешь, поставили на место кретина. Большое дело. Замолчал один, заговорят другие. Мир лучше они не сделали, хотя определенно упростили жизнь незнакомке.

— Я спас тебе жизнь, помнишь? — напомнил Артур, помахав перебинтованной рукой.

— Опять ты за свое.

— Да брось ворчать, амиго!

— Я не из Мексики.

— А жаль, я обожаю текилу. — Костя вопросительно взглянул на Артура: мол, ты ведь шутишь? А Арт уже вновь улыбался. — Ты пообещал привыкнуть к моему чувству юмора.

— Пообещал, — выдохнул Ромал, — но теперь жалею об этом.

Он уже собрался уходить, как вдруг заметил трех девушек: они проплыли рядом с ним, оставив после себя цветочный запах.

Среди них была *она*. Та самая блондинка, которую Костя видел недавно возле института. Высокая, очень красивая *пленительная* незнакомка, смеющаяся над шутками подруг, одетая в мужскую кожаную куртку, с ярко-красной помадой на губах. Она посмотрела на Костю из лифта. Их взгляды встретились всего на секунду, створки закрылись. Но парень уже точно знал, что ему нужно. Он покосился на Артура и криво ухмыльнулся:

— На самом деле выпить не помешает.

Глава четвертая

ЗНАКОМСТВО

Артур обрадовался, когда Костя решил остаться, его общение с соседом не складывалось: с Даней все шло как по маслу, а Ромал огрызался, отвоевывал террито-

рию. У такого поведения определенно имелись причины, и Арту хотелось их выяснить. Несмотря на свое высокомерие и безответственность, плохим парнем он не был. Ему пришлось многим пожертвовать ради семьи: например, никакой публичности, если речь заходила об отце и его работе, никакой личной драмы — даже после всего случившегося в его жизни. Он боролся со своими демонами, а они, уж поверьте, соблазняли искусно. Так, что многие сломались бы на его месте. И он старался найти себя в целом калейдоскопе неразберихи. Ему *хотелось* найти себя. Он должен это сделать.

Костя заметил, что блондин удивительно молчалив, и нахмурился. Они стояли около окна и пили пиво.

— Второй глоток, — заметил Ромал, разряжая обстановку, — а ты все еще жив.

— На пиво не похоже, — проворчал Артур, — но сойдет.

— Пиво как пиво.

— Сразу видно, что ты дилетант.

— Слишком много умных слов за один вечер. Прячешь в кармане словарь?

— Нет, мне через наушник нашептывают папины клерки.

— Я так и подумал, — усмехнулся Костя и сделал еще один глоток. На фоне облезлых стен и треснувшей оконной рамы Селиверстов выглядел нелепо. Даже в обычной куртке и простой футболке он казался пришельцем с другой планеты. *Планеты аристократов*. Он совсем иначе держал спину, иначе двигался и даже разговаривал. Только идиот не заметил бы подвоха, а Ромал никогда идиотом не был. — И каков план?

Арт обернулся:

— В смысле?

— Что ты забыл в нашем университете, да еще и в общезнании. Твой отец — один из самых высокооплачиваемых адвокатов Санкт-Петербурга. У него ведь своя империя... к нему обращаются сливки Питера.

— Уже раскопал информацию о нем в Википедии?¹

— Я же учусь на юридическом, гений, и собираюсь специализироваться на уголовном или, может, административном праве. Ты хотя бы представляешь, сколько работ защитил твой отец? Я вырос на его книгах. Жаль, что он не преподает.

— Тогда он не заработал бы состояние.

— Верно, — хмыкнул Костя, — но это не объясняет, что здесь делаешь ты.

— Учусь, — отшутился Артур, опершись о подоконник. — Думаешь, я выпил так много, что готов рассказать тебе всю подноготную?

— Думаю, ты что-то скрываешь.

— Звучит драматично. Но ведь тебе тоже есть чем поделиться?

— Ошибаешься.

— То сорвиголова, то защитник обездоленных.

— Этот разговор начинает мне надоедать, — раздраженно бросил Ромал и отвернулся, а Селиверстов невинно пожал плечами:

— Ты сам его начал.

— Тебе здесь не место.

— Это точно! Я завалил тест по французскому, а у меня сроду по нему плохих оценок не было. На тренировках все через одно место. И на философии я умудрился облажаться.

— Да я о другом. — Костя покосился на блондина. — У тебя ведь есть шанс учиться в каком-нибудь Гарварде, а ты просиживаешь штаны в Питере.

— В Гарварде? Ну ты скажешь, — усмехнулся Артур. — Мне дожить бы здесь до конца недели. Я свечку схожу поставлю, чтобы на французском меня больше не вызывали перед всеми позориться. Никогда не подумал бы, что учиться так отстойно.

¹ Википедия — общедоступная многоязычная универсальная интернет-энциклопедия со свободным контентом, реализованная на принципах вики.

- А школа тебя ничему не научила?
- Только тому, что мое имя дорого стоит.
- Тогда почему бы тебе вновь не начать им пользоваться?

Арт вдруг грустно улыбнулся и пробормотал:

- Это тема для более крепкой выпивки.

Ромал потер пальцами запекшуюся ссадину на подбородке. Артур Селиверстов был странным парнем. То улыбался слишком часто, то слишком редко. Обычно так себя ведут те, кто пытается подавить истинные чувства. Они сражаются с сомнениями и оттого выглядят нелепо. В их движениях много неестественного. В их словах частенько есть двойной смысл. Они так стараются привести жизнь в порядок, что сильнее запутываются в повседневной паутине.

— Тебя лишили наследства? — в лоб спросил Костя, а Артур едва не поперхнулся пивом и растерянно уставился на соседа.

- Что за чушь?

— Вывод сам собой напрашивается.

— Слушай, Пуаро¹, никто меня наследства не лишал, мой отец был бы счастлив, если бы я прекратил издеваться над матерью и вернулся домой.

- И что тебе мешает?

— Много причин, ясно? — Селиверстов нахмурился и нервно поправил куртку. На его лице появилось странное выражение, которое Косте показалось каким-то... личным, что ли. В жизни Костя не подумал бы, что Селиверстов может выглядеть... *ранимо*. — Ты допрос мне решил устроить или что? Статью пишешь? Надеюсь, тебе не надо объяснять, что о моем присутствии в университете никто не должен узнать.

— Хорошая попытка, — фыркнул Ромал и прислонился к стене. — У людей и без нас дел хватает. Они так сильно заняты собой, что по сторонам не смотрят.

¹ Эркюль Пуаро — бельгийский детектив, персонаж произведений английской писательницы Агаты Кристи.

— Вот именно.

— Но глупо надеяться, что никто не догадается.

— Я никогда особо не светился — папа настаивал. Свой профиль в соцсетях я закрыл.

— А этикетки со своих чемоданов не содрал.

— Мои чемоданы только вы с Даней видели.

— Интернет-новости, местные издания, желтая пресса...

— Да говорю же, я не светился. Очень редко. Мне даже пришлось удалить ВК.

— О, — отреагировал Костя и театрально нахмурился, — соболезную.

— Да заткнись ты, — попросил Артур, толкнув соседа локтем, — не смешно. — Бутылка уже почти опустела. Арта слегка покачивало. — Мы живем в эпоху интернета, но я не могу даже фото добавить без одобрения папиной комиссии.

— И поэтому ты сбежал? — усмехнулся Ромал. Щеки у него покраснели от выпивки, лица плыли перед глазами. — Тебе не разрешили добавить фотографию в Инстаграм?

— Не зли меня.

— Странное пиво, — внезапно сказал Костя и посмотрел на бутылку.

— Почему странное?

— Язык заплетается.

— Я думал, так и должно быть.

— Уж точно не от первой бутылки.

Артур прищурился и недовольно заметил:

— Так и знал, что нельзя пить этот отстой. Мог бы и раньше сказать, что мы давимся каким-то дерьмом. Я ведь не разбираюсь в этих ваших напитках.

— Тише, не нагнетай! Коньки ты не отбросишь.

— Рад это слышать.

— Знаешь...

Костя замолчал. Он увидел блондинку — Лизу, если верить словам Даниила. Попивая алкоголь из одноразового стаканчика, она стояла у противоположной стены, и сига-